

УДК 322:323.2 (575.2)

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОШЛОЕ НАРОДОВ КЫРГЫЗСТАНА: АСПЕКТЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В.В. Плоских

Раскрываются некоторые противоречивые стороны культурной политики советской власти в Кыргызстане в 20–30-е гг. прошлого века, когда веротерпимый альянс новой революционной власти и религий сменился активным наступлением на религию, что вело к отрицанию значимости культурных интересов народов и порождало негативное отношение к власти.

Ключевые слова: культурная революция; советская власть; Научная комиссия; антирелигиозная политика; реформа письменности; репрессии.

"THE CULTURAL REVOLUTION" AND CULTURAL PAST OF THE PEOPLE OF KYRGYZSTAN: ASPECTS OF OPPOSITION

V.V. Ploskikh

The work reveals some contradictory parties of cultural policy of the Soviet power in Kyrgyzstan in the 20–30th of the last century when the tolerant alliance of new revolutionary power and religions was replaced by active approach to religion that led to denial of the importance of cultural interests of the people and generated negative attitude to the power.

Keywords: "cultural revolution"; Soviet power; scientific commission; antireligious policy; reform of writing; repressions.

Установление советской власти в Кыргызстане, как и в других частях Российской империи, существенно изменило не только быт, но и культуру всех народов... Культурная политика советской власти вошла в историю под лозунгом "культурная революция". Она ставила задачу не только развития образовательного уровня народа и науки, но и критического, если не сказать негативного, отношения к культурному прошлому мирового, российского и местного – туркестанского наследия.

Россия была многонациональным государством, и большевики, заинтересованные в поддержке масс, не могли игнорировать культурные интересы населявших ее народов. Перед местными властями ставилась следующая задача в сфере "культурно-просветительской деятельности": "Желательно, чтобы были приложены и исторические данные о возникновении той или другой национальности, ее постепенного развития, культурно-экономического и социально-бытового положения" [1, л. 46]. Решения претворялись в жизнь. К примеру, на Съезде депутатов Аулиеатинского уезда 13 августа 1919 г. зав. отделом по национальным делам Сорокин доложил об образовании национальных секций: "великоросской, кыргызской, немецкой, узбекской, фарсидской, татарской и дунганской".

Немецкая секция отдела была учреждена 16 мая 1919 г. В отчете ее председатель Г. Янцен отметил количество детей школьного возраста с указанием, "на каком языке они желают слушать преподавание", расположение школ, количество учителей и учебных пособий на немецком языке. Вот пример из отчета: "...в с. Андреевское детей школьного возраста было мальчиков 25, а девочек 24. Все хотели учиться на родном немецком языке. В селе Водное население было смешанным. Из 44 учащихся было 26 русских и 18 немцев" [2, л. 50], обучение предполагалось вести на двух языках. При этом Г. Янцен отмечал, что "работу секции плодотворной, а тем более продуктивной, назвать нельзя; это обстоятельство находит объяснение в совершенном отсутствии строгого порядка в сферах соприкосновения с другими органами власти, в отсутствии руководящих данных из центра, а равно и средств, и, кроме того, в недоверии самого населения к власти" [1, л. 35]. Абзац о непродуктивности работы секции и недоверии к власти был в отчетах всех секций и перешел в итоговый отчет Отдела по национальным делам при Аулиеатинском ревкоме.

Фарсидская (таджикская) секция оповестила о своем открытии в 32 махаллях г. Аулиеата,

в которых проживали граждане фарсидской национальности и приняты меры к подысканию зданий для национальных школ [2, л. 41].

Дунганская секция предоставила статистику на 761 человека, из них школьного возраста – 146 (в двух селениях), “для которых необходимо открыть четыре школы, в каждом селении по две, для мальчиков и девочек отдельно”, а также просила “комиссариат по национальным делам выслать социальную литературу на национальном (дунганском) языке” [2, л. 46].

Председатель татарской секции докладывал об открытии трех школ для татарских детей, из них две мужские и одна женская, ратовал за открытие мусульманских педагогических курсов [2, л. 50].

Позже была создана армянская секция. В феврале 1920 г. на общем собрании жителей Аулиеата они просили дать разрешение об открытии “последованных занятий исключительно для изучения своего национального языка, истории и литературы” [2, л. 46].

Советское правительство объявило о необходимости культурного выравнивания национальных окраин. Государству было необходимо, чтобы среди советских людей было как можно меньше тех, кто стоял бы вне политики из-за своей неграмотности и малограмотности. Внедрение в умы людей марксистско-ленинской идеологии и ликвидация безграмотности стали единым, неразрывным процессом [2, л. 46].

В начале 1920-х гг. в Кыргызстане, “исполняя свой интернациональный долг”, появилось несколько эшелонов чехословацких семей. Они привезли с собой ткацкие и металлорежущие станки и основали в республике первый международный промышленный кооператив Интергельпо, построили завод, который успешно работал почти три десятилетия. Но даже к прибывшим развивать промышленность Кыргызстана чехам и словакам вскоре стали относиться подозрительно, и они со времен репрессий оказались в касте подозреваемых [3].

“Культурная революция” встретила с огромными трудностями при реализации мероприятий по ликвидации безграмотности у народов, официально не имевших своей письменности. Уже в 1924 г. в ранг государственной была введена программа по созданию новой кыргызской письменности на основе арабской графики. Впрочем, созданная при Наркомпросе Научная комиссия занималась не только вопросами письменности – она занялась еще и сбором образцов кыргызского фольклора, материалов об Андижанском восстании 1898 г. и о трагических событиях 1916 г. О результативной деятельности Научной комиссии при участии К. Тыныстановы, И. Арабаева, Х. Карасаева свидетельствует то, что в 1924–1925 гг. было издано 15 и запущено в печать 30 наименований книг, в ос-

новном учебников и учебных пособий, на кыргызском языке.

Созданный на базе Научной комиссии Академический центр не только продолжал разрабатывать программы и учебно-методические пособия для всех типов учебных заведений республики, но и занимался научной работой в области языкознания, геологии, этнографии и др.

О важности создания алфавитов для народов Союза свидетельствует факт организации при ВЦИК в 1930 г. Всесоюзного Центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА) на базе прежнего ЦК НТА (Центрального комитета нового тюркского алфавита). Результатом научно организованной деятельности Комитета стал переход на новый алфавит 20 народов Союза, а 50 народов впервые в истории получили свою письменность [4].

Началась работа по созданию нового дунганского алфавита. На инициированном ВЦКНА и Академией наук СССР совещании в Москве 20 марта 1932 г. отмечались успехи ученых из Кыргызстана по созданию дунганского алфавита и орфографии. В частности, говорилось, что вся работа по созданию и практическому проведению в жизнь нового дунганского алфавита проводится только в Кыргызстане. Несмотря на наличие в Казахстане 50 % дунган, проживающих в СССР, в последнем по внедрению нового алфавита почти ничего не сделано. ...незначительное количество школ ликубеза работают плохо, посещаемость слабая, школы л/б посещают не более 100 чел.” [5, л. 8–12].

На первом этапе своего становления советская власть нуждалась в поддержке местного населения, особенно инородцев, в связи с чем коммунисты, атеисты по сути, относились к религии весьма лояльно, и не только к православию, но и к католикам, мусульманам. Как ислам, исповедуемый большинством населения Кыргызстана, православие, исповедуемое переселенцами-славянами, так и лютеранская и меннонитская церковь немцев сохраняли свое влияние в своих общинах. Причина веротерпимого альянса новой революционной власти и религий состояла не только в осторожной политике большевиков, но и в некоторых внешне схожих чертах, таких как охват всех сторон общественной и индивидуальной жизни, равенство всех членов общины, приоритет общественных целей над индивидуальными [6, с. 53].

Активное наступление на религию началось по мере укрепления советской власти, но оно встречало сопротивление местных жителей. К примеру, в 1921 г. Николайпольский сельский совет потребовал освободить помещение молитвенного дома для размещения в нем библиотеки и клуба. Собрание членов Николайпольской евангельской братской свободной общины ответило ссылкой на Конституцию, “к которой допускается полная религиоз-

ная пропаганда, и все власти, чинящие какие-либо в этом отношении препятствия, являются нарушителями Конституции”. Верующие удостоверили, что занимаемое ими с 1920 г. помещение крайне необходимо, и его под клуб и библиотеку уступить не желают. Приговор свой жители довели до сведения местного исполкома [7, л. 346].

Обращение не помогло, наступление на религию продолжалось. На местах издавались и требовали исполнения соответствующие приказы. К примеру, пр. № 2 Орловского Волревкома от 27/XI 1921 г. гласил: “...все собрания политического характера воспрещаются. Собрания для обсуждения общественных нужд должны быть предварительно заявлены за 24 часа Ревкому. В случае незаявлений привлекается к ответственности созыватель схода... Все собрания религиозного характера, как и собрания монашества, должны быть заявлены Ревкому предварительно за 24 часа. Все эти собрания подлежат контролю Ревкома. При незаявлении собрания эти распускаются. Настоятели и проповедники этих религиозных общин должны зарегистрироваться в Ревкоме” [8, л. 25].

Появляется распоряжение Туркгосполитпросвета от 16 июля 1922 г. за № 1252, в котором констатировалось: “...Воспрещается всем немецким сектантским проповедникам и учителям собирать молодежь до 18-летнего возраста и преподавать ей так называемый закон божий. Лиц, не исполняющих это, предавать суду. ...Необходимо усилить политпросветработу среди молодежи Николайпольской волости. Категорически воспрещается на основании ст. 6 Положения о Единой трудовой школе преподавать вероучение в стенах школы. Попытки в этом направлении пресекать немедленно” [9, л. 15].

Антирелигиозная кампания, беспрецедентная по масштабу и насилию, началась в 1929 г. одновременно с коллективизацией и в непосредственной связи с ней. Президиум ВЦИК принимает постановление “О религиозных объединениях”, которое реально действовало вплоть до 1990 г. Постановление утвердило ставшее господствующим положение о том, что “религиозные общества не вправе заниматься какой-либо иной деятельностью, кроме как удовлетворение религиозных потребностей верующих... Следует вытеснить религиозные объединения из всех сфер жизни общества, где до этого они имели право действовать [10, с. 46].

Тем не менее в немецких селениях продолжали сохраняться молитвенные дома, являясь очагами духовно-культурной жизни верующих, но с середины 30-х гг. репрессивные меры усиливаются. Так, на расширенном заседании президиума Орловского сельсовета 24 июля 1933 г. совместно с комсомольцами и активом села было принято постановление, согласно которому всем проповедни-

кам и прочим “лишенцам” в течение нескольких дней предлагалось выехать за пределы сельсовета [11, л. 56].

Антирелигиозная политика властей достигла своей цели. Была практически свернута деятельность религиозных общин. Молитвенный дом Андреевской меннонитской общины был переоборудован в больницу. Были закрыты молитвенные дома в селе Ленинполь.

Наступление на религию происходило по всем конфессиям. Гонениям подвергались ислам и православие. Троицкая церковь в Пржевальске была отдана под спортивную школу, в Оше была разрушена колокольня, снесен ее купол, уничтожен иконостас и алтарь, а Михайло-Архангельский храм переоборудован в клуб. Тюрк-медресе в Оше было закрыто, а здание передано любительскому театру, историко-архитектурный памятник XVI в. мечеть Рават Абдулла-хана передана под общежитие.

И этот список может быть продолжен.

Создавалась новая культура на основе коммунистической идеологии. Необходимо было нивелировать прежнее религиозное мировоззрение, и основное место в новой культуре принадлежало образованию и просвещению населения, которые были поставлены под жесткий контроль государства. Учителя теперь назначаются государственными органами народного образования с учетом национальной специфики. В немецких селениях это были Генрих Дроус, Курт Фандей, Макс Штейгер и другие. Часть новых учителей была встречена населением негативно. Так, Г. Мартенсу было отказано в квартире “со столом” [7, л. 772].

В немецких селениях почти во всех школах обучение проходило на немецком языке. Осенью 1930 г. в селе Николайполь была открыта школа колхозной молодежи с бесплатным образованием для учащихся немцев на немецком языке, для кыргызов – на кыргызском. Из трех классов два было немецких. В школе изучались основы сельского хозяйства, полеводство, садоводство, животноводство и общеобразовательные предметы. Для привлечения в школу не только обучение было бесплатным, учащиеся находились на полном государственном обеспечении. Осенью 1934 г. школа была преобразована в семилетнюю, и в 1938 г. состоялся ее первый выпуск из семи учеников: П. Бергман, Я. Дик, Л. Левен, А. Нейфельд, А. Реймер, Г. Реймер, М. Тьярт [12, с. 23].

В 1938 г. обучение в школе было переведено на русский язык. Результаты этого процесса были неоднозначными. С одной стороны, представители малых этносов получили доступ ко всем видам образования, включая высшее, которое было только на русском языке, а в школе его хорошо осваивали. С другой стороны, был сделан шаг, не соответствовавший интересам национально-культурного раз-

вития малых этносов в СССР. Этот шаг был одним из проявлений политики компартии по осуществлению “культурной революции”, на создание “национальной по форме и социалистической по содержанию” культуры. Национальные языки, религия и другие составляющие национальных культур не соответствовали создававшейся для всех народов страны унифицированной культуре. Такая политическая линия губительно сказывалась на развитии национальных культур народов СССР, особенно малочисленных, к которым относились и немцы. “Для немцев Кыргызстана последствия ее были более тяжелыми, так как численность их здесь была невелика, и они жили вдалеке от основных ареалов расселения немцев в стране” [13, с. 24].

В целом же к марту 1926 г. на территории Кыргызстана существовало восемь школ с немецким языком обучения. Учебники доставлялись из АССР немцев Поволжья. Русский язык преподавался как предмет. При укомплектовании школ учителями большое внимание уделялось кадрам, которые проводили бы в культуре линию компартии. Ими стали А. Янцен, Г.А. Зименс, Г.К. Нейман, И.Я. Дик, И.И. Прис, П. Петерс, Е. Лепп, Я.И. Тейхриб, И.И. Штремплер, Ю. Зименс [14, л. 30; 15, л. 100]. Несмотря на большое внимание со стороны властей к школе, немецкое население относилось к школам враждебно, часто вместо светских школ отправляя своих детей в школы религиозные [13, с. 26].

В немецких селениях в целом не было проблем с грамотностью населения, поэтому кампания по ликвидации безграмотности носила здесь скорее характер борьбы против религиозного образования. Сохранившиеся лютеранские и католические приходы, общины меннонитов, баптистов, христиан-евангелистов и другие действовали фактически полулегально, изолированно, на свой страх и риск, подвергаясь постоянной угрозе репрессий.

Велась работа по развитию кыргызского литературного языка. Однако настоятельная необходимость в издании кыргызско-русского словаря не помешала властным структурам тормозить его выпуск по идеологическим мотивам. К.К. Юдахин, автор словаря, писал, что, несмотря на одобрение в начале 1934 г. редакционным издательским советом “тех. ред. Вентцель, полит. ред. Саманчин (отв. секретарь Кирг. ЦК)” [16, с. 158], нельзя его издать без визы Кирг. обкома. В итоге словарь, подготовленный в 1934 г., увидел свет лишь в 1940 г.

Советское государство проводило линию по формированию новых культурных ценностей. Внедрялись в сознание людей и новые праздники, прежде всего революционные. Но население, и немцы в большей степени, продолжали отмечать народные праздники, обычаи, традиции, которые были тесно связаны с религией. В результате, нанося

удар по вере, большевистский режим душил также национальную культуру и уничижал национальное самосознание народа.

В 30-е гг. усилился прагматический, утилитарный подход к культуре, ее развитие напрямую увязывалось с решением текущих хозяйственных задач. На фоне действительных достижений в экономике и культуре в Кыргызстане, как и во всем СССР, шел процесс репрессирования инакомыслящих. Тысячи людей осуждались на каторгу, ссылку, смертную казнь. Уничтожался цвет новой советской интеллигенции. Летом 1991 г. в пригороде Бишкека было найдено массовое захоронение 137 расстрелянных в 1938 г. Были среди них известные политические деятели и малоизвестные граждане страны. В СССР все было интернациональным, в том числе и расстрелы. Среди репрессированных – кыргызы (Т. Айтматов, Ю. Абдрахманов, К. Тыныстанов и др.), немцы (известные в республике Г. Янцен, Т. Миллер, Н. Зайдель), русские, евреи, дунгане, узбеки, татары. Репрессирован мог быть любой человек в стране – от секретаря коммунистической партии, министра, профессора до чабана, колхозника, рядового служителя культа. В репрессивных акциях, проводимых административными органами, погибли лучшие представители многонационального государства, элита кыргызской нации.

Литература

1. Таразский областной государственный архив (ТОГА). Ф. 50. Оп. 1. Д. 100. Св. 7.
2. ТОГА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 308. Св. 19.
3. Мужиков И.П. История чехословацкого кооператива “Интергельпо” / И.П. Мужиков, А.К. Каминетов, Р.П. Маречек. Фрунзе, 1957.
4. Всесоюзный комитет нового алфавита // URL: <http://www.jazykoznanie.ru/121>
5. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 860.
6. Малащенко А. 80-е годы: новый политический старт ислама / А. Малащенко // Восток. 1991. № 5.
7. ЦГА КР. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 1.
8. ТОГА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 123. Св. 8.
9. ЦГА КР. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 8.
10. Иманова С.С. Этнонационализм: история и реальность / С.С. Иманова. Бишкек, 2001.
11. ЦГА КР. Ф. 2488. Оп. 1. Д. 10.
12. Штремплер И.И. Село меняет облик: с. Ленинполь / И.И. Штремплер. Фрунзе: Кыргызстан, 1972.
13. Кронгардт Г.К. Немцы в Кыргызстане. 1880–1990 гг. / Г. К. Кронгардт. Бишкек, 1997.
14. ЦГА ПД КР. Ф. 402. Оп. 5. Д. 30.
15. ЦГА ПД КР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 97.
16. Плоских С.В. Репрессированная культура Кыргызстана. Малоизученные страницы истории / С.В. Плоских. Бишкек, 2002.